

Тизер для книг вселенной "Миры серых"

Александр Юдин

Падение Селерии

Александр Юдин
Падение Селерии
Серия «Тизеры для книг
вселенной "Миры серых"», книга 1

<https://litres.ru/73432248>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга серии "Тизеры для книг вселенной "Миры серых"".

Она проснулась в мире, которого не должно существовать. Похищенная таинственными существами, вторгшимися в её реальность, она вынуждена бороться за выживание в чуждом пространстве. Что ждёт её в этом странном месте — спасение или вечная тьма?

Содержание

Падение Селерии	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Юдин

Падение Селерии

Падение Селерии

Капсула казалась комнатой — лишённой уюта, безвременной, замкнутой. Прямоугольная, вытянутая вперёд, словно тесный отсек футуристического корабля, она тянулась от единственного круглого окна к противоположной глухой стене. Через это окно — небольшое и мутное, прорезавшее одну из гладких стен, — капсулу заливал яркий чужеродный свет. Лучи ложились на пол овальным пятном, выхватывая из полумрака детали запустения.

Стены покрывали матово-серые панели — гладкие, без швов и зазоров, но изуродованные тёмными подтёками и разводами, словно их никогда и не думали очищать. Пол из того же материала отзывался под шагами глухим звоном, и казалось, что внизу — лишь пустота.

По стенам и потолку тянулись переплетения кабелей, шлангов, гибких труб — их было так много, что они образовывали грязное кружево поверх гладких панелей. Некоторые лопнули или прогорели; вытекшая жидкость давно высохла бурой коркой. На полу между кабелями скапливалась серая пыль и обрывки неизвестных материалов, кое-где вид-

нелись отполированные пятна — следы недавних попыток найти выход. Бесплезных. Отчаянных.

Время не тронуло лишь сами панели — они не царапались, не тускнели, будто материал был неизвестен миру людей и неподвластен обычному разложению. Но всё остальное напоминало: здесь давно никого не было. Не было хозяев, не было заботы — только запах старого металла, затхлого воздуха и осевшей за долгие годы тоски.

В капсуле отсутствовало понятие верха и низа — всё казалось одинаково чуждым и неприкосновенным.

В одной из длинных стен виднелась единственная дверь. Она казалась чужеродной вставкой, хотя на первый взгляд была почти неразличима — никаких ручек, замков или заметных швов. Только тонкая светящаяся линия по периметру выдавала её присутствие, слабо отражая свет из окна.

Дверь вела в крохотный туалет — помещение столь же нечистое и унылое, как сама капсула. Стоило подойти ближе, как сквозь глухое тиканье незримого механизма пробивался едва уловимый электрический шелест: дверь бесшумно уходила в сторону, открывая узкий проём.

Внутри капсулы больше не было ничего — ни мебели, ни отсеков, ни укромных уголков. Только голые стены и пол.

Некоторые участки пола покрывала странная тягучая слизь — будто капсула сама время от времени «потела» чем-то вязким и мутным. Слизь расплзалась неровными лужичками, скользила по кабелям, забиралась в стыки и углубле-

ния, подсыхала матовой коркой, но кое-где оставалась влажной, слабо поблёскивая в редких лучах света. В этой вязкой субстанции навсегда застыли клочья грязи и обрывки давно истлевших тканей, превращая пол в жуткое месиво из неведомой химии и праха прошлого.

Однако в одном месте сохранялась почти стерильная чистота — у большого круглого окна, единственного зрачка капсулы. Там, где чужой свет выливался из иллюминатора, ничто не смело нарушить порядок. Ни пыли, ни пятен, ни разводов — только идеально гладкая поверхность, будто сам этот луч выжигал своим присутствием всё живое и мёртвое вокруг, не позволяя даже грязи приблизиться.

На этом чистом круглом участке пола, озарённом странным светом, лежала девушка шестнадцати лет. Она казалась чужой и незащитной посреди холодной заброшенной капсулы — пятно жизни в мире запустения и слизи.

Её длинные чёрные волосы, тяжёлые и прямые, раскинулись во все стороны, разбегаясь тонкими прядями по идеально гладкой поверхности, где ещё не осмелилась поселиться ни грязь, ни плесень. Свет ложился на них серебряными бликами, подчёркивая густоту и глубину цвета. Одетая она была просто: белая майка ярко выделялась на фоне общей серости, тонкие лямки обнажали худые плечи и острые ключицы. Короткие чёрные шорты, длинные худые ноги в тёмных гольфах, чёрные кеды — всё это выглядело странно, почти нелепо живым для мёртвого нутра капсулы.

Она полулежала, опираясь руками о пол позади себя, откинув голову на окантовку окна. Пальцы были раскинуты широко, будто она не хотела отрываться от этого единственного чистого островка. Спина слегка прогнулась — девушка почти целиком отдавалась короткому мигу покоя. Лицо, полуотвёрнутое к свету, застыло в безмятежности: глаза закрыты, губы тронуты тенью улыбки. В этот миг она слышала лишь собственное дыхание и не видела ничего — ни серых стен, ни мутных клякс слизи, затаившихся во мраке.

Свет из иллюминатора падал на неё чётким овалом, вырывая фигуру из темноты, делая живой и настоящей. Он подсвечивал острые скулы, тонкую шею, изломанную тень ресниц на щеке. Грубая, исполосованная ржавчиной стена позади не могла соперничать с хрупкой гармонией этого внезапно живого силуэта.

Посреди мрака и грязи она выглядела оплотом уцелевшей человечности — временным гостем, принесённым случайным светом в чужой угрюмый мир.

Её звали Селерия.

Мысли её были лёгкими и рассеянными, как пушинки, кружащиеся в невесомости. Сознание медленно покачивалось в зыбкой тишине между сном и явью — там, где реальность становится прозрачной, почти неощутимой.

Она не думала ни о чём определённом. Ни беспокойства, ни вопросов, ни даже картины собственной судьбы — словно комната с грязными стенами и тусклым окном существовала

где-то очень далеко, за пределами восприятия. Всё серьёзное и тревожное вытеснялось полусонным покоем. Мысли лениво растекались по чистому кругу света, изредка цепляясь за случайные детали: прохладу пола под спиной, серебристый узор светового пятна на волосах, невесомый запах сырости.

Глаза оставались закрытыми, но внутренний взор то и дело ловил всполохи — то ли воспоминаний, то ли причудливых грёз. Перед ней всплывали образы простых вещей: детская ладонь, тёплый ветер, обрывки улыбки, неясный смех откуда-то из-за грани слуха. Всё было легко, неуловимо, будто сами сны боялись потревожить хрупкий покой, окутавший её на этом единственном островке чистоты.

Не открывая глаз, девушка потянулась — легко, с почти кошачьей грацией. Тонкие руки плавно скользнули над головой, ладони сомкнулись, словно ловя невидимый поток воздуха в холодной пустоте. Спина выгнулась лёгкой дугой. Всё тело стало единым движением — хрупким и гибким, — словно она вытягивала из себя остатки сна, впуская в мышцы тихую радость пробуждения.

В этом медленном движении не было спешки — только полное доверие моменту. Пятки чуть скользнули по гладкой прохладной поверхности, затылок уткнулся в тёплое световое пятно. На мгновение ей показалось, что даже в тесной заброшенной капсуле есть место для света и лёгкости.

Потянувшись, она замерла, прислушиваясь к гулкой тишине и собственному глубокому вдоху. Где-то в глубине со-

оружения бесшумно гудел неведомый двигатель — неумолимый, равномерный. Его глухой гул сопровождал её всё время, что она находилась здесь, пронизывая стены и растворяясь в самом воздухе капсулы. Медленно, неохотно девушка открыла глаза.

Зрачки понемногу привыкли к яркому чуждому свету. На потолке, чуть влажном и сером, чётко проступали паутины пересохших кабелей и неопрятные подтёки, замысловато пересекавшиеся под самым сводом, — похожие на ветви огромного чёрного дерева или схему, начерченную невидимой рукой. Она смотрела в этот сумрак спокойно, глубоко, будто отсчитывала по этим линиям время или искала в них ответ на вопрос, которого не существовало.

Взгляд был ясен, но внутри ещё оставалась полудрёма; отражение света в глазах несло отблеск недавнего сна, делая этот миг особенно хрупким — тёмные ресницы, ненароком дрогнувшие, и тонкая сдержанная улыбка, в которой было больше мимолётной благодарности чистоте единственного светлого круга, чем настоящей радости.

Плавно, без спешки девушка приподнялась, лёгким движением села, а через секунду уже стояла. Медленно выпрямилась, прогнувшись всем телом, подняла руки и потянулась с тихим выдохом, отбрасывая от себя последние остатки сна. Кончики тонких пальцев почти коснулись низкого потолка; плечи и шея вновь обозначили грациозную хрупкость фигуры.

Глаза ещё были слегка затуманены, но в каждом движении чувствовались уверенность и скрытое достоинство — дерзкая смелость проснувшейся жизни. Девушка сделала несколько шагов по капсуле — лёгких, почти неслышных, но в мёртвой тишине этого места даже они отдавались глухим звоном по пустому металлическому полу.

Проходя мимо стены, она медленно провела по ней кончиками пальцев. Прикосновение было осторожным, почти нежным — будто сквозь холодную плоть панели она пыталась расслышать дыхание давно ушедших звуков, нащупать тайну, застывшую внутри этого запустения.

На секунду остановилась, глубоко вдохнула. Затем поправила волосы, взбив их руками, словно стряхивая остатки сна. Достала из кармана шорт резинку — этот нехитрый жест на фоне безликого окружения почему-то казался значительным. Пальцы уверенно прошли по густым прядям, собрали волосы в плотный аккуратный хвост — движение привычное, строгое, чуть упрямое.

С этим простым действием в её облике проступило что-то новое: свежая собранность, немного утра, немного стойкости — молчаливый вызов пустоте, заполнявшей капсулу.

Собрав волосы, она задержалась на мгновение, вглядываясь в свет, струящийся из иллюминатора. Затем, без промедлений, скользнула к единственной боковой двери. Тишину нарушил тонкий шелест: створка раздвинулась, впуская её в крохотное помещение.

Она пробыла там считанные мгновения — не более чем будничная необходимость. Вернувшись, шагнула обратно на чистое пятно у окна; движения стали чуть собраннее, чуть быстрее. Подошла почти вплотную к иллюминатору и замерла — мир снаружи словно втягивал её неммым зовом.

Свет, лившийся из окна, был холодным, бледным, неопределённого происхождения — ни солнечный, ни электрический. Он выхватывал её профиль, подсвечивал тонкие черты, наполнял глаза прозрачным голубоватым отблеском.

За окном открывалась картина, от которой перехватывало дыхание. В огромном помещении — похожем на ангар, — стояли ряды таких же капсул. Они громоздились одна над другой в многоярусных штабелях, уходя вверх и в неясную глубину, растворяясь в светлой дымке. Каждая была почти точной копией её собственной: с таким же круглым окном, с такими же глухими панелями, с полосами труб и кабелей. Десятки, сотни — возможно, тысячи одинаковых ячеек, выстроенных в пугающей, неестественной гармонии.

Стены исполинского зала были такими же грязными и запущенными, как стены её капсулы, — покрытые пятнами, потёками и нечитаемыми следами времени, они отражали то же унылое запустение, ту же безжалостную заброшенность.

Она долго смотрела сквозь стекло, не отрываясь, не моргая. Взгляд скользил по рядам таинственных ячеек, пытаясь найти среди них хоть один признак жизни — малейшее движение, силуэт, похожий на её собственную тень. В каждом

ярус отражался тот же приглушённый свет, в каждом окне мерцала та же тревожная, почти нереальная пустота.

Окружающее пространство было одновременно слишком странным и слишком масштабным — хаос, беспорядок и при этом пугающая аккуратность множества одинаковых ячеек. Мир за окном выглядел грязным, хрупким и мёртвым.

Девушка стояла неподвижно. Только её дыхание оставляло тающий след на холодном стекле иллюминатора.

Она была пленницей этого места по меньшей мере двое суток — насколько ей удалось определить. В странном глухом пространстве время теряло привычный смысл: ни солнца, ни часов, ни чёткого ритма. Лишь по двум наступлениям тревожной вязкой темноты и двум пробуждениям из неглубокого беспокойного сна она поняла — прошло уже двое суток.

Она была узницей. Всё вокруг хранило мрачную анонимность: грязные стены, густой сырой воздух, далёкий неумолчный гул двигателя, не дающий забыть, что вокруг неё — чья-то чужая, пугающе равнодушная территория. Она не знала, что это за место. Не имела ни малейшего понятия, как далеко её унесли от дома и зачем. Но одно знание оставалось неотступным и острым, как заноза: она помнила тех, кто принёс её сюда и запер.

«Серые».

Существа, чья природа и цели оставались для неё загадкой.

Чуждые, недоступные пониманию, они вторглись в их мир из бездонной тьмы. С момента их появления неведомый ужас поселился в каждом доме: «серые» похищали лишь детей — избранных, отобранных по правилам, понять которые не мог никто из людей. Их выбор подчинялся сложной, непроницаемой системе, словно они различали в детях какие-то особые, невидимые остальным знаки.

Их приход всегда предвещал странный резкий стук — не похожий ни на одно знакомое звучание, будто кто-то ударял о само пространство. Затем на любой поверхности — полу, стене, даже старой деревянной двери — возникал зыбкий дрожащий портал. Из трещины вырывался густой серый дым; он клубился с пугающей целеустремлённостью, стремительно окутывал жертву, отсекая её от мира. Дальше всё происходило в считанные секунды: стоило дыму сомкнуться, и «серые» — страшные человекоподобные силуэты, возникшие из ниоткуда, — уносили ребёнка сквозь неестественный разлом. Туда, где слепой гул двигателей и стерильный холод становились единственной реальностью. Туда, откуда никто ещё не возвращался.

Селерия всегда отличалась смелостью. В её характере не было места покорности или оцепенению перед неизвестным. Даже оказавшись в этой мрачной, бесчеловечной капсуле, она не позволила себе ни минуты отчаяния, ни единой слезы. Вместо того чтобы сдаться или утонуть в бессильной тоске, она собрала волю в кулак и решила бороться.

С первых минут заточения Селерия искала выход. Её глаза обшаривали каждый уголок капсулы, уши ловили малейшие изменения в гуле далёкого двигателя, пальцы ощупывали скрытые швы и едва различимые кнопки на панелях. Снова и снова, с настойчивостью, переходящей в одержимость, она пыталась приоткрыть тяжёлый неподвижный люк в полу — подушечки пальцев горели от усилий, ногти обламывались, но она не останавливалась. Она не раз бросалась к мутному окну, била по нему кулаками — стекло отвечало глухим равнодушным гулом и не поддавалось.

Отдельной одержимостью стала система датчиков и крохотных экранов, утопленных в стены. Селерия пыталась понять их логику, ловила мельчайшие изменения сигналов, надеясь обнаружить сбой или лазейку — хоть малейшую трещину в безупречной клетке.

Всё это время она держалась. Не давала себе сломаться. Не позволяла мыслям о поражении пустить корни. Даже когда усталость валила с ног, она упрямо поднималась — потому что остановиться значило сдаться, а сдаваться она не хотела.

Её смелость была негибкой: проводя уже вторые сутки в тесной холодной капсуле, Селерия умудрялась ощущать себя здесь почти хозяйкой. Всё в её облике и движениях выдавало спокойную уверенность. Даже когда очередная попытка оборачивалась неудачей, она не позволяла досаде взять верх — лишь слегка усмехалась и приступала к следующей

задаче.

Она не поддавалась панике ни в первые минуты, ни потом — когда стало ясно, что помощь не придёт скоро. Возможно, не придёт вообще. Неудачи лишь раззадоривали её, делали внимательнее и упрямее, но не ломали. Она позволяла себе короткие минуты отдыха, не упрекая себя за слабость. В тихие часы, когда мрачный двигатель гудел, словно убаюкивая, Селерия закрывала глаза без страха — она знала: разум и тело должны оставаться сильными, чтобы не упустить единственную возможность.

В этой капсуле, где другой давно бы впал в отчаяние, она сумела сохранить достоинство и хладнокровие — словно не была пленницей, а лишь временно оказалась в затруднении, и весь окружающий мрак просто ждал, когда она найдёт путь домой.

Звук ударил без предупреждения.

Резкий, пронзительный сигнал взорвал тишину, которую до этого нарушал лишь равномерный гул скрытых машин. Селерия вздрогнула — но тут же взяла себя в руки.

Где-то внутри стен зашевелились механизмы, пробуждаясь от долгой спячки. Хрустящий щелчок. Затем — сухое клацанье, словно невидимые шестерёнки и рычаги нехотя приходили в движение после многолетнего застоя. За панелью негромко зажужжало: металл завибрировал, невидимо сдвигаясь. А затем в углу, под тусклым искусственным светом, медленно — мучительно медленно — открылся неболь-

шой люк. Массивная створка скользнула вбок, сдавленный скрип разнёсся по капсуле, отразился от стен и замер, оставив после себя звенящую, напряжённую тишину.

Селерия встретила это с едва заметной тенью улыбки — привычно, почти спокойно, как человек, чья судьба уже срослась с правилами этого места. Она без спешки обернулась к открывшемуся проёму.

В узком проёме, едва заметном в стене, стояло плоское прямоугольное блюдо. На нём подрагивала всё та же серая каша с едва уловимым сладковато-солёным запахом — как и всегда. Внешний вид не внушал аппетита: вязкая гладкая масса колыхалась, отражая блёклый свет.

Селерия невольно поморщилась — привкус этой дряни за два дня въелся в память так прочно, что язык ощутил его ещё до первого прикосновения. Пища была ни хороша, ни отвратительна: в меру пресная, тихо навевающая тоску обо всём настоящем, что теряется среди чужих стен. Но выбирать не приходилось. Она прекрасно понимала: силы — её единственное богатство, а ради борьбы она готова вынести многое.

Слегка вздохнув, Селерия осторожно вынула блюдо из ниши. Движения были экономными и сосредоточенными: она уже убедилась — стоит промедлить или проигнорировать этот странный ритуал, дверца захлопнется, и второй попытки не будет до следующей порции. Здесь даже доступ к такой еде был строго дозирован, и это лишний раз напоми-

нало: в этом месте не место капризам.

Взяв скудную, но необходимую порцию, она опустилась на пол и, не позволяя себе думать о былых домашних обедах, принялась есть.

Селерия ела медленно, без суеты, руками — ложку или вилку здесь не давали. Она аккуратно отщипывала пальцами куски вязкой безликой массы, не отрывая взгляда от единственного иллюминатора. За матовым стеклом царило всё то же однообразное серое марево, но каждое утро она всё равно смотрела туда — в поисках детали, проблеска, хотя бы тени перемен.

Пальцы то и дело погружались в сырую, чуть липкую массу и с выработанной механической точностью отправляли её в рот. Селерия почти не чувствовала вкуса; вся её сущность будто отделилась от тела, отдавшись воспоминаниям. Мгновения прошлого медленно всплывали из глубины — тот самый день, когда густой жуткий серый дым залил её мир и забрал её, швырнув в этот металлический плен.

С каждым движением пальцев, с каждым куском скользкой пищи, исчезающим во рту, разум её уносился всё дальше — к тому моменту, когда она ещё была свободна. Отголоски тех эмоций морозили кожу изнутри. Но она не позволяла чувствам взять верх: ни страха, ни отчаяния на лице не отражалось. Взгляд оставался упрямым, твёрдым — в нём отражались не стены этого места, а уголки собственного мира, за который всё ещё стоило бороться.

В их мире наступили мрачные времена. Беда поселилась не где-то на окраине — она вошла в каждый дом, пробралась в сердца, затаилась в каждом шорохе ветра. Поначалу похищения казались немыслимо страшными, но невероятно редкими — почти слухами, городскими легендами, в которые не хотелось верить. Потом они участились. Дети до восемнадцати лет стали пропадать — по одному, по двое, в разных районах, не оставляя ни шума, ни следа, словно их поглощала сама ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.